

Какъ будто открывается исходъ къ монистической или плюралистической — неясно еще — глубинѣ, для которой романтической дуализмъ — лишь играющая поверхность! Можетъ быть, въ связи съ этимъ сознаниемъ глубины встрѣчаемъ у Степуна и типичныя для всѣхъ «кающихся романтиковъ» слова о «церкви» (52).

Въ нашихъ сухо-философскихъ замѣчаніяхъ мы не исчерпали ни философской содержательности книги, ни тѣмъ болѣе ея капитальной насыщенности бытіемъ и бываніемъ. Но эта «конкретность» вѣсть со страницъ «Писемъ» на каждого читателя. Мы хотѣли только отмѣтить философскую существенность переживаній прапорщика-философа.

П. Я.

Новые синтезы Русской Исторіи.

Г. В. Вернадскій. Начертаніе русской исторіи, ч. I Съ приложеніемъ «Геополитическихъ замѣтокъ по русск. ист.», 1927.

A History of Russia by Prince D. S. Mirsky, London, 1927.

Синтезъ Вернадскаго ярко «евразійскаго» направленія. Для рецензента это создаетъ затрудненіе особаго рода. Рецензентъ долженъ предвидѣть, что читатель въ «евразійской» книгѣ будетъ искать и того, чего въ ней нѣтъ. Примѣнительно къ данному случаю обязанность рецензента идти навстрѣчу возможнымъ предубѣжденіямъ и подозрѣніямъ читателя становится тѣмъ болѣе настоятельною, что книга Вернадскаго уже подверглась привлеченію къ ответственности за «евразійствъ» въ его цѣломъ — въ рецензій проф. А. А. Кизеветтера («Русь», 27 ноября 1927). Сущность рецензій сводится къ слѣдующему. Книга Вернадскаго просто-на-просто запугиваетъ и затемняетъ наши представленія о русской исторіи, и притомъ безъ всякой нужды, ибо никакихъ новыхъ данныхъ, которыя заставили бы историка рвать съ установившейся вульгатой, у Вернадскаго нѣтъ. Такія яко-бы новыя данныя взяты авторомъ не изъ русской, а изъ татарской исторіи, съ которой онъ зачастую совершенно произвольно связываетъ въ своемъ построеніи русскую. Ломка вульгаты произведена Вернадскимъ единственно въ угоду своему «направленію». Я думаю, что разобраться въ этомъ разнот асіи между двумя авторитетными специалистами по русской исторіи легче тому, кто, подобно мнѣ, будучи историкомъ, — специалистомъ по русской исторіи, однако, не является.

Уже давно сложилась — для насъ сейчасъ безразлично, какъ и почему — воплотивъ опредѣленная вульгата русской исторіи, вульгата, которая размариваетъ русское прошлое, какъ нѣкоторый цѣлостный органическій замкнутый и сплывшій процессъ, протекавшій, конечно, не безъ воздѣйствій со стороны Востока и Запада, но такъ, что эти воздѣйствія представлялись именно посторонними, внѣшними, относящимися къ историческимъ процессамъ, протекавшимъ параллельно съ русскимъ и съ этимъ несвязаннымъ какъ-бы вовсе не сплетавшимся. Здѣсь важно удержать одну мысль, могущую возникнуть недоразумѣнію. Вѣдь вульгата — создававшаяся «слепками», настановавшими именно П

единствѣ русской и западной исторій? Да, но само это единство понималось ими какъ абстрактное, а не реальное, — по крайней мѣрѣ изображалось. «Русскій народъ» мыслился, какъ особь, относящаяся къ «виду» «европейскій народъ», и какъ разъ для того, что бы доказать европеизмъ русскаго народа, было соблазнительно изображать его развитіе, какъ прохожденіе черезъ рядъ «стадій» или «моментовъ», свойственныхъ «виду», къ которому этотъ народъ относили, какъ «оптогенезисъ», воспроизводящій «филогенезисъ». Болѣе реалистическій взглядъ на русскую исторію выработывался у насъ, неспеціалистовъ по русской исторіи, благодаря знакомству съ исторіей Европы въ ея цѣломъ. Мы учили уже въ гимназіи двѣ какъ-бы отдѣльныя, словно на двухъ разныхъ планетахъ протекавшія, исторіи — русскую исторію и «просто» исторію, т. е. исторію Западной Европы, такъ какъ ее изображала вульгата, выработанная западно-европейскими историками, т. е. такъ, какъ если бы это была вообще единственная исторія и какъ если бы бокъ-о-бокъ съ этой «Западной Европой» никогда и не существовало громаднаго русскаго («евразійскаго») міра. Въ сознаніи нашемъ эти двѣ исторіи все же какъ-то, худо-ли, хорошо-ли, склеивались. Но послѣдствія всей нашей школьной (включая и высшую школу) системы съ ея абстрактнымъ, безжизненнымъ, мертвящимъ подходомъ къ живой жизни (о **нежизненности** общепринятаго изученія исторіи слѣдовало - бы многое сказать), съ ея игнорированіемъ исторической реальности, сказались на томъ, что мы даже какъ-то не замѣчали, какой нелѣпо-уродливый образъ русскаго историческаго міра при этомъ получался, образъ т. е. сказ. конкретно - абстрактный, логическое чудовище, — ибо со стороны Востока по прежнему зияла какая-то пропасть. Въдѣ исторія восточныхъ сосѣдей Россіи не изучается вовсе. Откуда, изъ мѣсть, обозначавшихся весьма суммарно («изъ Азіи»), невѣдомо почему, какъ-то стихійно, подобно урагану или саранчѣ, налетали татары; затѣмъ устанавливалось татарское иго, представлявшееся чѣмъ-то вродѣ равномернаго давленія мертвой матеріи, а не тѣмъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, т. е. сложнѣйшимъ процессомъ, слагавшимся изъ сцепленія множества событій, затѣмъ иго «свергалось» примѣрно такъ, какъ сбрасывается съ плечъ тяжелая ноша... Быть можетъ, въ сознаніи спеціалистовъ этотъ образъ жилъ съ необходимыми поправками и дополненіями, быть можетъ хотя-бы для себя они чѣмъ-либо заполняли то пустое мѣсто какимъ для насъ была и остается исторія Востока, и быть можетъ, именно потому проф. Кизеветтеръ и находить, что въ революціи, производимой проф. Вернадскимъ, никакой нужды не имѣется? Быть можетъ, онъ потому-то и не видитъ всей уродливости ходячей концепціи? Я не увѣренъ въ этомъ. Если бы наши изслѣдователи русской исторіи сознавали, что безъ знакомства съ исторіей Востока имъ обойтись нельзя, это какъ-нибудь да отразилось бы на тѣхъ курсахъ и руководствахъ, какіе до сихъ поръ ими писались. Уже самый фактъ тѣснѣйшей зависимости «Начертанія» отъ книги акад. Бартольда, «Исторія изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи» въ томъ, главнымъ образомъ, что относится къ исторіи культурныхъ связей, зависимости не только по содержанію, но

и — что особенно характерно — по формѣ изложенія, показывается, что для автора многое въ исторіи Россіи открылось совѣмъ недавно и внезапно. Надо быть благодарнымъ Вернадскому за то, что онъ постарался использовать свое открытіе и сдѣлать результаты его общимъ достояніемъ. Въ чемъ собственно состоитъ это «открытіе»? Въ томъ, что русскую исторію нельзя отрывать отъ исторіи Средней Азіи, ибо: въ первый («древнѣйшій») періодъ русской исторіи былъ въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ «евразійскими» кочевниками, въ слѣдующій періодъ русская земля въ значительной своей части была улусомъ великаго хана, наконецъ начиная съ утвержденія «самодержавія», т. е. пріобрѣтенія политической независимости, русский народъ приспугаетъ къ дѣятельности, являющейся ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ дѣла Чингисъ-Хана, т. е. къ **объединенію Евразіи**. Правда, это было извѣстно уже давно и при томъ всѣмъ и каждому, но это знаніе было какимъ-то мертвымъ капиталомъ. Вернадскій на нашей памяти первый изъ историковъ-специалистовъ **увидѣлъ** эту истину, и первый далъ себѣ трудъ **переработать** съ новой точки зрѣнія всю вульгату русской исторіи. Покуда вышедшая 3-ая часть представляеть собою опытъ переработки вульгаты въ томъ, что касается образования и вышшняго роста Россійскаго Государства, причемъ впервые выяснена роль татарщины какъ такой силы, **противъ** которой надлежало ковать **однородную** съ ней силу и сверхъ того такой, которую можно было и **использовать**. Впервые показано и то, **какъ именно** она была использована. Впервые выяснено часколько приближаются методы борьбы, пущенные въ ходъ Москвитою къ тѣмъ, какіе примѣняли англичане въ Индіи и римляне въ Галліи и татары, какъ оказывается, были покорены въ значительной степени руками самихъ же татаръ. Нельзя не согласиться съ авторомъ написанныхъ въ приложеніи къ «Начертанію» гео-политическихъ замѣтокъ по русской исторіи¹⁾ Н. Савинымъ, что стынъ возникаетъ прямо-таки необходимость переработки и нашихъ школьныхъ учебниковъ по русской исторіи. И въ школѣ о татарщинѣ надо говорить какъ о исторической величинѣ и не какъ о невѣдомой стихійной силѣ. Неужто, спрашиваетъ проф. Кузнецеттеръ, евразійцы хотѣли заставить насъ зубрить имена всѣхъ Хановъ и Геманковъ, фигурирующихъ у Вернадскаго? Думаеся, что на этотъ счетъ можно будетъ изотвориться — кромѣ того надо имѣть въ виду, что татарскихъ именъ и раньше приходилось зубрить не мало. И тогда это была именно бессмысленная зубрежка, когда всѣ эти Утедн, Батын, Тохтамышъ, Эдигей, совершенно безличныя, безликіе, выскакивали невѣсть откуда какъ маріонетки, и затѣмъ куда-то безслѣдно проваливались. Вся трудность «евразійской» исторіи для запомнанія — не говоря уже о пониманіи — коренилась въ томъ, что эту исторію непременно хотѣли излагать какъ какую-то «чисто-русскую», отчего только поучалась полная **безсвязность** ея. Излагая исторію Россіи въ рамкахъ исторіи Евразіи, изучая Россію какъ гео-политическую величину, говоря прощя изучая исторію русскаго народа не только во времени, но и **въ пространствѣ**, чего до сихъ поръ не дѣлали (не значить изучать исторію народа въ пространствѣ — предполагать, какъ это при-

вято, исторіи «географической очеркъ страны») Вернадскій тѣмъ самымъ возстановливаетъ права исторической реальности Народъ и мѣсто, на которомъ онъ развивается («мѣсторазвитіе», какъ говорятъ евразійцы) связаны неразрывной связью; «мѣсторазвитіе», такъ же «принадлежитъ къ исторіи», какъ и самъ народъ. Конечно, отсюда легко сдвинуться въ сторону того, что А. А. Кизеветтеръ остроумно называетъ «геополитической мистикой» и представлять дѣло такъ, словно у народа и у его «мѣсторазвитія» есть какое-то «избирательное средство» — и нельзя отрицать, что этой мистикой дѣйствительно отдаетъ отъ вводной главы у Вернадскаго. Дальше онъ, слава Богу, о ней забываетъ. Я бы поставилъ поэтому въ упрекъ Вернадскому не столько «геополитическую мистику», сколько т. сказ. одержимость географіей, выростающую уже въ принятой имъ периодизации по признаку отношений между лѣсомъ и степью, тогда какъ очевидно, что для новѣйшей исторіи это — только пустая схема, ничему реальному не соответствующая. Правда, что на изложеніи это, собственно говоря, не отражается. Хуже то, что авторъ видимо раздѣляетъ географической фатализмъ своего сотрудника П. Н. Савицкаго, поскольку и для него русская исторія есть исторія по существу континентальная, исторія «материка-океана». Онъ какъ-то затираетъ поэтому столь характерное въ исторіи русской политики, столь упорное и столь обильное послѣдствіемъ **стремленіе къ морямъ** — и, конечно, прямымъ насильемъ надъ исторической реальностью надо счесть его утвержденіе, что Петръ, прорубивъ окно въ Европу, немедленно же «повернулся къ Европѣ задомъ». Авторъ можетъ, конечно, считать «европейскую» политику Россіи въковымъ заблужденіемъ — это его право и тутъ онъ не первый, — остается **фактъ**, что эта политика Россіей велась. Между тѣмъ въ «Начертаніи» ей почти не удѣляется мѣста. Да еще вопросъ, была ли постоянно эта политика заблужденіемъ, прихотью и роскошью? Такъ когда-то оцѣнивалась и «европейская» политика Франціи Лейбницъ считавалъ Людовику XIV бросить мысль о Рейнской границѣ и обратиться экспансіонныя стремленія Франціи на Египетъ. Впослѣдствіи приблизительно того же добивался отъ Франціи Бисмаркъ. Но самое постоянное, съ которымъ Франція во все эпохи своей исторіи бьется надъ проблемой своей восточной границы, показываетъ, что здѣсь дѣйствуютъ какіе-то стимулы посильнѣе домогательствъ единичныхъ личностей. Неопредѣленность, неустойчивость, условность этой «аравницы» въ культурно-историческомъ и политическомъ отношеніяхъ обуславливаютъ то, что она столько разъ была нарушаема, что не было возможности удержаться отъ захватовъ того, что лежало за этой «границей», — и т. обр. Франція вязалась въ «авантюры», развертывавшіяся въ грандіозныя эпохи — Людовика XIV, революціонную, Наполеоновскую... Аналогичную роль въ русской исторіи сыграла западная граница. И здѣсь — отсутствіе естественныхъ барьеровъ, и здѣсь — широкая полоса промежуточной, спорной въ культурномъ отношеніи области, обоюдныя стремленія къ захватамъ, и въ результатѣ постепенное запутываніе и затягиваніе узла, увязаніе въ длительный, безысходный конфликтъ, а тѣмъ самымъ въ «европейскую» политику. Замѣти-

вание не нравящейся автору «европейской» политики России мнѣ кажется главнымъ недостаткомъ*) «Начертанія». Другимъ его недочетомъ я бы счелъ голословность некоторыхъ утверждений. Въ книгѣ Вернадскаго излагается все догматически. Не-специалисту неясно, на чемъ основываетъ авторъ свое утверждение о томъ, что Святославъ вполне сознательно стремится къ образованію евразійской имперіи (стр. 41), на его предположеніе, что титулъ кагана перешелъ къ русскимъ князьямъ по преемству именно отъ хазаръ (стр. 42; почему не предположить здѣсь также возможности болгарскаго вліянія?); неясно, почему авторъ считаетъ, что негровская армія была построена на принципахъ, «которые шли еще отъ Чингисхана» (стр. 191), и т. под. Общую схему диалектики русскаго историческаго процесса авторъ формулируетъ такъ «отъ Александра Невскаго до царя Алексѣя Михайловича — время цѣлостнаго міросозерцанія; власть глубоко ощущаетъ свои историческія задачи. Это есть время сознанія органической связи Россіи съ Востокомъ и въ этомъ смыслѣ — эпоха евразійскаго міросозерцанія». Затѣмъ — переломъ, реформы и — къ концу XIX в. Государство Россійское охватываетъ почти всю Евразію. Но параллельно съ этимъ идетъ процессъ духовно-нравственнаго разложенія — утрата прежней вѣры и потеря правящимъ кругомъ историческаго евразійскаго чутія. Въ результатѣ объединена плоть Евразіи, но утрачено ея знаніе евразійской миссіи Россіи. Разбита цѣлостность міросозерцанія» (стр. 19). Мнѣ думается, что авторъ здѣсь объединилъ чисто словесно совершенно различныя вещи — отходъ отъ традиціонной вѣры, съ одной стороны, и перемену политической ориентаціи, съ другой. «Евразійское чутіе» или ровно ничею не значитъ, или значитъ инстинктивное пониманіе опредѣляемой положеніемъ Россіи въ «Евразіи» роли ея на Востоку, и нельзя не признать, что въ общемъ въ XVIII — XX в. в. Россія справлялась съ этой ролью весьма неплохо. «Объединена плоть Евразіи.» Какъ это возможно, если нѣтъ на лицо никакого **духовнаго** объединенія?

Увлечаться, хватать черезъ край, — свойственно всякому, кто отвѣчивается пролагать новые пути. Вернадскій заслуживаетъ признательности за то, что онъ сдѣлалъ. **Послѣ него** уже легче будетъ сдѣлать лучше.

Приложенныя къ книгѣ Вернадскаго «замѣтки» П. Н. Савицкаго заключаютъ въ себѣ немало интереснѣйшихъ и острозначимыхъ геополитическихъ сопоставленій, — напр. о передвиженіяхъ столицъ Орды и Русскаго Государства, о характерѣ и значеніи русскихъ политическихъ границъ. Авторъ отмѣчаетъ показательный контрастъ между **постоянной** укрѣпленностью западной русской границы и **переменяю-**

*) Отношенія между русской «восточной» и «европейской» политиками въ XVIII — XX в. в. очень сложны. У автора все это слишкомъ ужъ упрощено. Достаточно привести въ примѣръ то, что онъ говоритъ о восточной политикѣ Николая I (стр. 213 — 215). Зигзаги въ этой политикѣ оставлены безъ объясненія — и именно потому, что ея связь съ политикой «европейской» недостаточно оцѣнена и осмыслена.

щимся существованіемъ (и несуществованіемъ) другихъ укрѣпленныхъ линий. Западную русскую границу онъ сближаетъ съ Китайской стѣной, отъ Запада Россія отражалась такъ, какъ Китай — отъ Средне-азиатской степи (с. 252—3). Это — очень цѣнное наблюдение, какъ нельзя лучше подтверждающее все сказанное мною выше объ «европейской» политике Россіи. Стѣна та, за которой можно было бы отсиживаться, сооружена все-таки не была. Европа для Россіи не была только угрозой существованію. Чѣмъ для Китая была степь. И европейская опасность была иного рода, — не той, какую несетъ стѣпная, разрушительная сила. Европа не просто отпугивала она и отпугивала и притягивала. Къ сожалѣнію, иногда въ своей погонѣ за «самостоятельными» авторъ теряетъ изъ виду мѣры «венгерскому походу Батыя отвѣчаетъ венгерскій походъ Паскевича.» (стр. 236) Какъ это «отвѣчаетъ»? Савицкій здѣсь свѣдѣетъ методомъ средневѣковыхъ толкователей св. Писанія. Ясно, что такимъ способомъ можно найти «соотвѣтствіе» между чѣмъ угодно. У «свръзвѣщевъ» чѣмъ не юридической реальности какъ-то совмѣщается и «къ несчастію, часто затемняется собственнымъ сектантскимъ пристрастіемъ къ установленнымъ ренесансамъ, къ символикѣ. Незамѣтно для самихъ себя они приводятся къ гипостазированію своихъ вербальныхъ формулъ «русскость несомнѣстима съ латинствомъ» (стр. 242) Что это значитъ? Если путь «русскостью» Савицкій разумѣетъ православіе, то это — тавтологія. Если же онъ хочетъ сказать, что между «русскостью» и православіемъ существуетъ «избирательное средство», то это — плохая мистика, «романтическія бредни», — и болѣе ничего.

Князь Д. С. Мирскій задаетъ чѣлѣю изобразить на 78 страницахъ всю исторію Россіи *ad usum Delphini* — для иностранцевъ. Въ общемъ онъ и здѣсь проявилъ свое мастерство въ улаживаніи и въ сжатомъ и отчетливомъ формулированіи наиболѣе существеннаго, — какъ и въ своей англійской исторіи русской литературы. Конечно, многимъ пришлось пожертвовать. Нѣкоторыя утонченія очень досадны: происхожденіе названія «Русь» (с. 6), сверженіе татарскаго ига (с. 20), причина раскола (с. 31), прощѣненіе при Петрѣ (см. стр. 40—43, о внутр. дѣятельности Петра). Юлачающаяся неточности и спорная, но догматически высказываемая утвержденія Южно-руссы не назывались «украинцами», какъ это можетъ заключить изъ изложенія автора (с. 13) иностранный читатель. Нельзя безъ оговорокъ и поясненій называть опричнину «великой соціальной революціей, обусловившей собою «все послѣдующее развитіе Россіи» (с. 23). Прозвище «Грознаго» было дано народомъ Ивану IV вовсе не въ порицательномъ смыслѣ (*ibid*). Церковь не была для Петра «главнымъ врагомъ» (с. 41), а «добрый офицеръ» (объ прок. Св. Синода) не былъ военнымъ (*field-officer*): «офицеръ» на тогдашнемъ языкѣ — *officier*, чиновникъ. Декабристы едва-ли были все поголовно «насквозь проникнуты классовымъ сознаніемъ» (с. 57); безоговорочное отнесеніе раннихъ ставялофиловъ къ «правому», а западниковъ къ «лѣвому» крылу русской общественности (с. 58), есть упрощеніе дѣйствительности, которое затрудняетъ ея пониманіе, а не облегчаетъ.

Маленькая книга кн. Д. С. Мирского снабжена заключеніемъ, на которомъ слѣдуетъ остановиться. Авторъ разсматриваетъ съ четырехъ сторонъ измѣненія, происшедшія въ Россіи и съ Россіей послѣ Войны и Революціи.

1. Въ Россіи установилась диктатура партіи, которая **соціально** не выдѣляется изъ массы населенія. Авторъ полагаетъ, что возврагъ къ господству соціальной олигархіи болѣе невозможенъ и что совѣтская система вѣроятно останется и въ будущемъ основой русской государственности. Что Россія въ результатъ всего пережитаго выйдетъ на путь демократіи въ этомъ, я думаю, сомнѣваться нельзя. Но послѣднее утвержденіе автора (о совѣтской системѣ) — не что иное, какъ догадка и притомъ такая, которая не подсказывается ни анализомъ русскаго историческаго развитія, ни фактомъ нынѣшней демократизаціи Россіи въ социальномъ отношеніи. Правъ авторъ, или нѣтъ, въ своемъ предвидѣніи, — я не знаю; я хочу только сказать, что я не вижу связи между этой частью его заключенія и всѣмъ предшествовавшимъ изложеніемъ.

2. Вторая очевидность — эмансипація національностей. Велико-русскій народъ отказался отъ своей гегемоніи. Переимѣна имени «Россія» на «СССР», говоритъ авторъ, «символизируетъ трансформацію національной имперіи въ надъ-национальную федерацію». И здѣсь авторомъ допущено большее упрощеніе дѣйствительности. «**Великорусскій народъ**» не былъ хозяиномъ въ Россійской Имперіи. Гегемонія принадлежала **русской націи**, а это — далеко не одно и то же, какъ, надѣюсь, я показалъ въ моей статьѣ «Наслѣдіе Имперіи» («Совр. Зап. XXXII»). Что русская нація отказалась отъ своей гегемоніи, что она безповоротно ее утратила, — этого не видно, доказательствъ этому не приведено; видимость же той «трансформаціи», о которой говоритъ авторъ, слишкомъ ужъ противорѣчитъ всему, что намъ извѣстно объ историческомъ развитіи «Евразіи», чтобы эту «трансформацію» можно было считать глубокой и прочной.

3. Русская граница сдвинулась къ Востоку. «Финляндія, Эстонія, Литвія, Литва, Польша возвратились, какъ это было вполнѣ справедливо, въ свое европейское лоно» (have reverted, as it was only right they should revert, to their original European family). Опять упрощеніе — и притомъ глубокое. Во-первыхъ, надо отличать въ ряду этихъ народностей тѣ, которыя были сложившимися націями къ моменту инкорпорировація ихъ въ составъ Россійской Имперіи (Польша, въ меньшей степени Финляндія), отъ остальныхъ, давшихъ свое имя, но не свою національно-культурную окраску провинціямъ (нынѣ государственнымъ), образующимъ «барьеръ» между «Европой» и «Евразіей». Во-вторыхъ, изъ этихъ народностей одна — литовская — тянется, въ силу сложившейся для нея политической обстановки, скорѣе къ Востоку, нежели къ своему «природному европейскому лону», что же касается двухъ другихъ, то ихъ «эмансипація» представляется скорѣе, такъ сказать, эмиграціей вмѣстѣ съ территоріей кореннаго населенія и прилежащихъ націй, русскихъ и нѣмцевъ, изъ Совѣтскаго Государства, нежели дѣйствительно предлуканнымъ историческимъ развитіемъ воз-

вратомъ во все то же «европейское лоно». Что эта «эмиграція» можетъ въ силу давности превратиться въ настоящую «эмансипацію» — такъ же допустимо, какъ и денационализація единичныхъ русскихъ бѣженцевъ. Съ тою только разницей, что за послѣдними Россія гоняться не станетъ. А вотъ согласится ли она на окончательный отходъ въ «западно-европейское лоно» бесспорно-русскихъ областей, очутившихся, благодаря «похабному миру», въ обладаніи Польши, — это еще большой вопросъ.

4. Большевизмъ есть столь оригинальное усвоеніе западно-европейскаго идеала, что его господство равносильно отрыву Россіи отъ европейской цивилизаціи. «Болѣе, нежели когда-либо Россія стала обособленнымъ материкомъ, съ цивилизаціей по духу враждебной цивилизаціи странъ, которая въ теченіе двухъ вѣковъ служила для нея образцомъ. Она вернула себѣ культурную автономию, и ея отдѣленіе отъ Запада является однимъ изъ самыхъ мощныхъ факторовъ, содѣйствующихъ умаленію относительной важности міра европейской цивилизаціи». Таковъ послѣдній, явно «евразійскій», аккордъ. Мажорный, или минорный? «Самоутѣшеніе», или — Resignation? Кажется, что скорѣе первое.

Это заключеніе очень показательно для евразійской «исторіософіи» и для лежащихъ въ ея основѣ приемовъ и навыковъ мышленія и обращенія съ историческими понятіями и исторической терминологіей. Евразійская исторіософія въ значительной мѣрѣ опредѣляется и обосновывается идеей «материка-океана», самодовлѣющаго евразійскаго континента («a continent a part») кн. Мирскаго, — именно **идеей**, т. е. захватывающей всю духовную сферу силой, а не только понятіемъ, идеей, несомнѣнно коренящейся въ нѣкоторомъ **чутьѣ**, нашедшей себѣ поэтому изумительное и захватывающее **поэтическое** воплощеніе (Блокъ!), раньше, чѣмъ она отложилась и отвердѣла въ понятіи. Именно это чутье историко-географической **реальности** и позволило евразійству, на мой взглядъ, преодолѣть отвлеченность и «безплотность» русской исторической вульгаты. Съ другой стороны, однако, увлеченіе идеей обусловленности «исторіи» «географіей» привело евразійство, какъ мы видѣли, къ своего рода одержимости географіей, болѣе того, — географической терминологіей «Континентъ» для нихъ — нѣчто абсолютное, непререкаемое, вродѣ «категорическаго императива». Я уже не говорю о томъ, что даже съ точки зрѣнія такъ сказать «чистой географіи» евразійскій континентъ никоимъ образомъ не можетъ бытъ отдѣляемъ отъ «Западной Европы», ибо «Западная Европа» **есть часть этого самаго континента**: для насъ важнѣе всего выяснитъ **условность** значенія географическихъ понятій при ихъ перенесеніи въ **гео-политику**. Уже коли Америка еще до зры, открытой Линдбергомъ, благодаря турбиннымъ пароходамъ, такъ приблизилась къ «Старому Свѣту», то что сказать объ отношеніи другъ къ другу отдѣльныхъ частей этого послѣдняго? И совершенно ясно, что съ ростомъ народонаселенія и всѣмъ, отсюда слѣдующимъ, замкнутость «континентовъ» будетъ все болѣе и болѣе уменьшаться, а ихъ «культурная автономія» становится все болѣе и болѣе относительной. От-

ривъ «Евразіи» отъ «Европы» съ культурномъ отношеніи, какъ и въ хозяйственномъ, — скорѣе всего временное явленіе; а между тѣмъ «евразійцы» изображаютъ его, какъ нѣкоторую идеальную цѣль, къ которой якобы, не взирая на людскія заблужденія («утрага евразійскаго чутья»), географическое провидѣніе направляло ходъ русской исторіи, и притомъ — какъ цѣль конечную

П. Бѣлики.

The Catastrophe. Kerensky's own story of the Russian Revolution,
by Alexander Kerensky. D. Appleton and Company New York:
1927; London.

Западно - европейская и слѣвоенная литература необычайно богата весьма цѣнными произведеніями мемуарнаго характера. Кажется, нѣтъ ни одного, сколь-нибудь виднаго, политическаго дѣятеля или военнаго авторитета, который не написалъ бы и не обнаружилъ бы уже своихъ воспоминаній о великой войнѣ и связанныхъ съ ней событіяхъ.

Повидимому, лишьобстрепанностью политической борьбы, продолжающейся и до сего дня, надлежитъ объяснить то, что въ противоположность зап. европейской, русская литература все еще бѣдна воспоминаніями современниковъ о войнѣ и революціи. Русскіе политическіе дѣятели и активные участники огромныхъ историческихъ событій нашихъ дней предпочитаютъ писать политическіе трактаты и воздерживаются отъ опубликованія своихъ воспоминаній.

Между тѣмъ, врядъ-ли можно переоцѣнить не только злободневный интересъ, но и огромное политическое и историческое значеніе воспоминаній, напр., главнаго дѣйствующаго лица, центральной фигуры эпохи февральской революціи Къ сожалѣнію, кромѣ «Цѣля Корнилова», не являющагося по существу воспоминаніемъ, и небольшого отрывка воспоминаній «Гатчина» («Совр. Зап. кн. X»), бывшимъ министромъ - председателемъ Временнаго Правительства А. Ф. Керенскимъ, не опубликовано пока ничего о 1917 годѣ.

Только что вышедшая въ Нью - Йоркѣ на англійскомъ языкѣ отмѣченная выше книга лишь частично можетъ восполнить этотъ пробѣлъ. Она тоже не является мемуарами въ чистомъ видѣ, она, повидимому, сложилась какъ завершеніе недавней поѣздки А. Ф. Керенскаго въ Америку, поѣздки, задачей которой было ознакомитъ американское общественное мнѣніе съ устремленіями и цѣлями русской демократіи.

Книга эта написана для читателя иностранца, недостаточно хорошо знакомаго съ русской исторіей и событіями февральской революціи Поэтому авторъ сознательно ставитъ своей задачей не только разсказать о томъ, что видѣлъ, но и «содѣйствовать пониманію внутренняго существа марта 1927 года, т. е. періода отъ паденія монархіи до установленія большевистскаго абсолютизма» Наряду съ описаніемъ событій, свидѣтелемъ которыхъ былъ авторъ, наряду съ воспоминаніями о встрѣчахъ и о людяхъ, съ которыми приходилось работать и бо-